

4. Забужко О. Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій / Оксана Забужко. – К. : Факт, 2007. – 640 с.
5. Кравченко У. Замість автобіографії / Уляна Кравченко // Записки учительки. – Львів : Априорі, 2010. – С. 110-111.
6. Кравченко У. Из записок учительки / Уляна Кравченко // Записки учительки. – Львів : Априорі, 2010. – С. 82-109.
7. Кравченко У. Спогад / Уляна Кравченко // Записки учительки. – Львів : Априорі, 2010. – С. 112-113.
8. Кравченко У. Спогади учительки / Уляна Кравченко // Записки учительки. – Львів : Априорі, 2010. – С. 21-81.
9. Popławska H. Autobiografia mistyczna / Halina Popławska // Religijność literatury polskiego baroku / red. Cz. Hernas, M. Hanusiewicz. – Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1995. – S. 101-123.

УДК 821. 161. 1: 82.09

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА Б. ПАСТЕРНАКА

Гладышев В. В., д. пед. н., профессор

Николаевский национальный университет имени В. А. Сухомлинского

Статья посвящена рассмотрению использования историко-литературоведческого контекста при изучении событий, связанных с присуждением Б. Пастернаку Нобелевской премии по литературе.

Ключевые слова: историко-литературоведческий контекст.

Гладышев В. В. ІСТОРИКО-ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧИЙ КОНТЕКСТ ПІД ЧАС ВИВЧЕННЯ ТВОРЧОСТІ Б. ПАСТЕРНАКА / Миколаївський національний університет ім. В. О. Сухомлинського, Україна.

Статтю присвячено розгляду використання історико-літературознавчого контексту під час вивчення творчості Б. Пастернака.

Ключові слова: історико-літературознавчий контекст.

Gladyshev V. V. HISTORICAL-LITERARY CONTEXT IN THE STUDY OF B. PASTERNAK / Mykolaiv national university after name V. O. Suhomlynsky, Ukraine.

The article is devoted to consideration of historical-literary context in the study of B. Pasternak.

Key words: historical-literary context.

Концепция контекстного изучения художественных произведений в школьном курсе мировой (зарубежной) литературы изложена в специальном монографическом исследовании [2], где представлены характеристики видов контекста, обеспечивающих возможность качественного рассмотрения учащимися самих произведений, исключение из учебного процесса “методики бестекстного обучения” [8, с. 59-60], превращающей литературное образование в схематическое восприятие литературных сведений при отсутствии чтения произведения. Классификация видов контекста предусматривает, что одним из наиболее важных видов (если иметь в виду эффективность литературного образования) является историко-литературоведческий вид контекста [2, с. 39-59]. Это обусловлено необходимостью восприятия каждого изучаемого произведения как явления истории литературы, в котором прослеживаются литературные традиции и новаторство в их единстве.

В качестве примера использования учебно-воспитательных возможностей историко-литературоведческого контекста рассмотрим обращение к нему при изучении в 11-м классе событий, связанных с трагедией Б. Пастернака.

В процессе предлагаемого различными вариантами календарного планирования курса мировой литературы [4, с. 5-9], [9, с. 76-80] изучения в выпускном классе творчества Б. Пастернака учителю необходимо, на наш взгляд, особое внимание уделить детальному рассмотрению завершающего этапа жизни поэта, который полностью определяется событиями, ставшими следствием присуждения ему Нобелевской премии по литературе. Для старшеклассников, если говорить и об обучении, и о

воспитании, чрезвычайно важно, чтобы они смогли понять и прочувствовать поистине удушающую атмосферу той, как назвала это время один из самых близких к Пастернаку людей О. Ивинская, “публичной истерики, разразившейся сразу после присуждения Б. Л. Нобелевской премии” [3, с. 251].

Об этих событиях написано и рассказано много, фрагменты написанного используются при воссоздании биографии Б. Пастернака его сыном Евгением [3]. Существуют воспоминания о “Деле Пастернака”, есть и художественные произведения, посвящённые ему. Воспоминания – это всегда субъективно, в этом и ценность, и недостаток воспоминаний. Предваряя свою книгу воспоминаний о Б. Пастернаке, О. Ивинская, которая, казалось бы, с полным на то основанием могла считать себя не только одним из самых близких к нему людей, но и человеком, знавшим поэта лучше многих, мудро замечает: “Я знаю, что любое суждение о человеке в той или иной мере и ошибочно, и верно. Есть люди, знавшие поэта иным. Если они напишут свои воспоминания – я с интересом (а быть может – и радостью) познакомлюсь с тем Пастернаком, которого они знали” [3, с. 9]. Именно поэтому учителю, вероятно, не стоит использовать мемуарную литературу на этом уроке. Но как же тогда быть?

А. Галич в песне “Памяти Б. Л. Пастернака”, описывая “суд коллег”, так сказать, “инженеров человеческих душ”, над отсутствующим в зале, уже исключённым из числа членов Союза писателей СССР, поэтом, пообещал современникам:

Мы не забудем этот смех,
И эту скуку!
Мы поимённо вспомним всех,
Кто поднял руку! [1, с. 58].

На момент написания песни (датирована 4-м декабря 1966-го г. [1, с. 59]), на закате хрущёвской “оттепели”, эта уверенность А. Галича могла показаться по меньшей мере наивной. Но время расставило всё по своим местам, и сейчас в распоряжении учителя имеется документальное подтверждение человеческой подлости и той “стадности” [7, с. 63], о которой, сам этого не подозревая, так точно говорил председательствующий на судилище “и как интеллигент, и как человек” [7, с. 57] С. Смирнов. В посвящённой роману и событиям вокруг него книге [7] представлены исторические документы, которые в то время были газетными статьями, стенограммами, заявлениями и откликами.

Нужно согласиться с тем, что в данном случае именно документы являются наиболее правдивыми, надёжными и беспристрастными свидетелями.

Документы, представленные в книге, расположены в хронологической последовательности, фактически они отражают события первой недели, прошедшей после присуждения Б. Пастернаку Нобелевской премии. Как известно, решение Комитета по присуждению Нобелевских премий было объявлено 23-го октября 1958-го г. Причём поданная в решении формулировка, с помощью которой было аргументировано присуждение премии именно Б. Пастернаку, выражала не просто уважение, а почтение по отношению к национальной литературе, которую представлял лауреат: “За выдающиеся достижения в современной лирической поэзии и на традиционном поприще **великой русской прозы**” (здесь и далее выделено нами – В. Г.) [5, с. 647]. Вероятно, в более нормальной по отношению к своим гражданам стране такое отношение мирового сообщества к национальной литературе вызвало бы обоснованную гордость, а писатель, ставший лауреатом самой престижной литературной премии в мире, получил бы всеобщее признание, но в СССР всё получилось, как принято говорить, с точностью до наоборот.

Уже на следующий день, 24-го октября, членами редколлегии журнала “Новый мир” было подписано обращение-пояснение, которое предваряло публикацию адресованного Б. Пастернаку письма, спешно “втиснутого” в уже подготовленный к печати 11-й номер журнала. Само же письмо было написано ещё в сентябре 1956-го г., и в нём тогдашние члены редколлегии пространно аргументировали категорическую невозможность публикации созданного Б. Пастернаком в соответствии с договором между ним и журналом романа. Подписано письмо тогдашними членами редколлегии Б. Агатовым, К. Лавренёвым, К. Фединым, К. Симоновым и А. Кривицким [7, с. 41].

К моменту присуждения Б. Пастернаку Нобелевской премии в составе редколлегии “Нового мира” произошли изменения: главным редактором журнала стал А. Твардовский, членами редколлегии – Е. Герасимов, С. Голубов, А. Дементьев, Б. Закс, Б. Лавренёв, В. Овечкин, К. Федин [7, с. 11].

Следует также признать, что сами члены редколлегии “Нового мира”, неглупые, знающие толк в литературе люди, прекрасно понимали: нынешняя публикация давнего письма является в высшей степени аморальным поступком. Но, признавая, что, публикуемое письмо, “разумеется, не предназначено для печати” [5, с. 10], эти же люди объясняют своё неблагоприятное в моральном плане поведение соображениями, связанными с защитой общественной морали! Они называют присуждение Нобелевской премии Б. Пастернаку “чисто политической акцией, враждебной по отношению к нашей стране и направленной на разжигание холодной войны” [7, с. 11]. Как видим, при публикации письма сознательно используются двойные стандарты.

Письмо членов редколлегии “Нового мира” к Б. Пастернаку было опубликовано не только в журнале, что – с грехом пополам – можно было хоть как-то попытаться понять и даже оправдать. Это же, не предназначенное для публикации, письмо уже на следующий день, 25-го октября, было опубликовано в “Литературной газете”, этом, если можно так выразиться, “главном” печатном органе СП СССР!

Нелишне напомнить, что “Литературная газета” выходила огромными тиражами, что читатели весьма уважали этот печатный орган, доверяли газете и её авторам. Соответственно, эти обстоятельства поспособствовали формированию негативного отношения подавляющей части советских людей и к Б. Пастернаку, и к роману, который эти люди просто не могли на тот момент прочитать.

Приведём ключевой, с нашей точки зрения, фрагмент письма членов редколлегии “Нового мира” к Б. Пастернаку: “Вам не чуждо стремление к символике, и смерть, вернее, умирание доктора Живаго в конце двадцатых годов, как нам кажется, для Вас является символом смерти русской интеллигенции, которую погубила революция. Да, надо согласиться, что для такого доктора Живаго, которого Вы изобразили в романе, климат революции губителен. И спор с Вами не об этом, спор, как мы говорили уже вначале, – о другом.

В вашем представлении доктор Живаго – это вершина духа русской интеллигенции.

В нашем представлении – это её болото.

В Вашем представлении та русская интеллигенция, пути которой разошлись с путями доктора Живаго и которая пошла служить народу, удалилась от своего истинного назначения, духовно самоистребилась, не сделала ничего ценного.

В нашем представлении она именно на этом пути нашла своё истинное назначение и продолжала служить народу и делать для народа именно то, что в дореволюционные годы, готовя революцию, делала для народа лучшая часть русской интеллигенции, и тогда, как и сейчас, бесконечно чуждая тому сознательному отрыву от интересов народа, **идейному отщепенству**, носителем которых является Ваш доктор Живаго” [7, с. 38].

Становится очевидным, что рецензировавшие роман Б. Пастернака “бойцы идеологического фронта” умели и читать правильно, и писать хлестко. Они правильно поняли морально-эстетическую позицию писателя, после чего в лучших традициях “революционной целесообразности” заклеямили “идейного отщепенца”, создавшего “роман, сугубо и прежде всего политический, роман-проповедь” [7, с. 40], за который идеологические враги якобы и вручили ему премию-подачку.

На следующий день, 26-го октября, в газете “Правда” была опубликована статья критика Д. Заславского “Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка”, уже в названии которой издевательски обыгрывалась фамилия писателя. Вот что сообщается об этом издании: “**Правда**” — газета, долгое время бывшая ежедневным центральным органом *Коммунистической партии (РСДРП(б) → РКП(б) → ВКП(б) → КПСС)* и наиболее влиятельным советским изданием, фактически — **главной газетой** страны. Награды: два ордена Ленина (1945, 1962), орден Октябрьской революции (1972)” [6]. Понятно, что высказанное в “главной газете страны” автоматически тиражировалось, оно становилось для пропагандистов своеобразным “руководством к действию”, единственно правильным мнением относительно любого явления советской действительности.

Нет необходимости повторять откровенно хамские высказывания “критика” и о романе, и о его авторе. Остановимся лишь на обобщении-приговоре, с помощью которого “главная газета страны” намеревалась дискредитировать лауреата, напомним это, наиболее престижной в мире литературной премии: “Таким образом, Нобелевской премией реакционная буржуазия наградила не Пастернака-поэта, не Пастернака-писателя, а **Пастернака-пасквилянта**, очернившего социалистическую революцию и советский народ” [7, с. 46]. Любопытно, что, характеризуя тех, “кто поднял теперь непристойную шумиху” [7, с. 47] вокруг Б. Пастернака и его романа, критик укоряет этих людей в том, что они “в подавляющем большинстве своём не знали и не читали Пастернака, не слышали его имени” [7, с. 47]. При этом “обличитель” забывает, что “подавляющее большинство” советских читателей точно не читали роман “Доктор Живаго”! Что опубликованные в “Литературной газете” от 1-го ноября 1958-го г. гневные письма старшего машиниста экскаватора из Сталинграда Ф. Васильцова, врача из Москвы Н. Лучшевой, киевского инженера А. Дубинского [7, с. 106-109] были написаны (или просто подписаны?) людьми, которые не могли прочитать роман Б. Пастернака! Не читали его, но гневно осуждали автора и его произведение.

Через два дня после появления статьи Д. Заславского в “Литературной газете” было опубликовано “Постановление президиума правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР, президиума правления Московского отделения Союза писателей РСФСР”, которое называлось так: “О действиях члена Союза писателей СССР Б. Л. Пастернака, не совместимых со званием советского писателя”. Несомненно, что уже само название этого документа объясняет, с какой целью “писательские инстанции” его принимали. Тем не менее, процитируем “приговор”, вынесенный писателю “коллегами

по цеху”: “Поэтому, учитывая политическое и моральное падение Б. Пастернака, его предательство по отношению к советскому народу, к делу социализма, мира, прогресса, оплаченное Нобелевской премией в интересах разжигания холодной войны, – президиум правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР и президиум правления Московского отделения Союза писателей РСФСР лишают Б. Пастернака звания советского писателя, исключают его из числа членов Союза писателей СССР” [7, с. 51].

25-го февраля 1987-го г. в этом же печатном органе было опубликовано ещё одно “Постановление” – “Об отмене постановления 1958 года”: “19 февраля 1987 года секретариат Правления Союза писателей СССР отменил постановление Президиума Правления СП СССР 1958 года об исключении Б. Л. Пастернака из членов СП СССР” [7, с. 52]. Список членов секретариата Правления не приводится, между тем, было бы любопытно узнать, не было ли среди них тех, кто когда-то исключал Б. Пастернака из “членов СП СССР”?

На следующий день, 29-го октября, состоялся специально собранный Пленум ЦК ВЛКСМ, на котором тогдашний руководитель комсомола В. Семичастный не просто “гневно заклеил” как бы от имени советской молодёжи “предателя Пастернака”, но и позволил себе столь откровенное хамство, что тут и добавить ничего нельзя к цитате: “Иногда мы, кстати, совершенно незаслуженно, говорим о свинье, что она такая, сякая и прочее.

Я должен вам сказать, что это наветы на свинью. Свинья, – все люди, которые имеют дело с этим животным, знают особенности свиньи, – она никогда не гадит там, где кушает, никогда не гадит там, где спит.

Поэтому, если сравнить Пастернака со свиньёй, то свинья не сделает того, что он сделал. (А п л о д и с м е н т ы.) А Пастернак – этот человек себя причисляет к лучшим представителям общества – он это сделал. Он нагадил там, где ел, нагадил тем, чьими трудами он живёт и дышит. (А п л о д и с м е н т ы.)” [6, с. 115]. Самое страшное в этом фрагменте стенограммы не то, что один из фактических руководителей страны позволяет себе говорить такое – самое страшное, что зал встречает его слова аплодисментами.

К слову, именно в выступлении В. Семичастного Б. Пастернак был назван “внутренним эмигрантом” [7, с. 115], что стало подготовкой общественного мнения к необходимости изгнать “писателя-предателя” из Советского Союза.

В книге же представлен и фрагмент интервью В. Семичастного, которое было дано уже в 1989-м г. Бывший высокопоставленный комсомолец и “КГБ-ист”, судя по всему, и тридцать с лишним лет спустя был убеждён в своей правоте.

Изячно “переведя стрелки” на Н. Хрущёва, который, по его словам, лично “надиктовал две странички. Конечно, с его резкой позицией о том, что “даже свинья не позволит себе гадить...” [7, с. 116], партноменклатурщик пытается объяснить собственное поведение и “партийной дисциплиной”, и тем, что “обстановка была другая, и Генеральный, и международная обстановка...” [7, с. 117]. Получается, следуя логике В. Семичастного, нынешним читателям романа необходимо сделать вывод, будто бы сам Б. Пастернак и был виновен в том, что власть в СССР, лишив его возможности печатать главную книгу его жизни на родине, именно так отреагировала на выход романа на Западе?

Несмотря на то, что к 31-му октября Б. Пастернак был уже исключён из Союза писателей СССР, кульминационным моментом травли писателя следует считать состоявшееся в этот день собрание писателей Москвы, на котором “мастера художественного слова” требовали от руководства страны, чтобы Б. Пастернак был лишён советского гражданства и изгнан из СССР! В книге помещена стенограмма этого собрания [7, с. 53-103]. С её помощью можно и нужно “поимённо” вспомнить “всех, кто поднял руку”. Вот список выступавших на собрании, он приводится в порядке, в каком в стенограмме поданы выступления: С. Смирнов, Л. Ошанин, К. Зелинский, В. Герасимова, В. Перцов, А. Безыменский, А. Софронов, С. Антонов, Б. Слуцкий, Г. Николаева, В. Солоухин, С. Баруздин, Л. Мартынов, Б. Полевой.

Как сообщил председательствующий С. Смирнов, также для выступления записались “Евгений Долматовский, Сергей Васильев, Михаил Луконин, Галина Серебрякова, Павел Богдан, Павел Арский, П. Лукницкий, Семён Сорин, В. Инбер, Нина Амегова, Владимир Дудинцев, Раиса Азарх, Кугультинов (от имени слушателей Высших литературных курсов)” [7, с. 99]. В зале требовали, чтобы С. Смирнов предоставил возможность выступить В. Дудинцеву, однако председательствующий посчитал, что “элементарный демократизм (это говорит писатель! – В. Г.) требует: или прекратить прения, или продолжать” [7, с. 99]. В соответствии с требованиями “элементарного демократизма” прения были прекращены.

Собрание проголосовало, что в комиссию по выработке решения собрания должны войти “Лесючевский Н. В., Чертова Н. В., Гус М. С., Зелинский К. Л., Антонов С. П.” [7, с. 70]. При

обсуждении подготовленной комиссией “Резолюции” слово брали “Тов. Болотин” [7, с. 100], Р. Азарх, А. П. Казанцев, “Тов. Трифонова”, Вера Инбер [7, с. 100-102]. Как видим, некоторые из “записавшихся”, но не получивших слово, нашли таки возможность “поднять руку” и засвидетельствовать своё участие в общей травле и вынесении “приговора”.

Нет никакой необходимости детально рассматривать “выступления” тех, кто втаптывал в грязь Б. Пастернака. Они, в сущности, мало чем отличаются друг от друга. Разве что наиболее ретивые старались говорить как можно “ярче”, старались безжалостнее и больнее ударить человека, который, по его собственным словам, создав роман, “весь мир заставил плакать Над красой земли моей” [7, с. 118].

“Резолюция”, принятая на собрании и ставшая плодом нешуточных усилий, как сейчас говорят, “мозгового штурма” лучших умов писательской организации Москвы, была опубликована, как и “письма трудящихся”, в “Литературной газете” 1-го ноября 1958-го г. То есть на следующий день после знаменитого собрания. Вот фрагмент из этого шедевра конформизма: “С негодованием и гневом мы узнали о позорных для советского писателя действиях Б. Пастернака.

Что делать Пастернаку в пределах Советской страны? Кому он нужен, чьи мысли он выражает? Не следует ли этому внутреннему эмигранту стать эмигрантом действительным?

Пусть незавидная судьба эмигранта-космополита, предавшего интересы Родины, будет ему уделом!

Собрание обращается к правительству с просьбой о лишении предателя Пастернака советского гражданства.

Ни один честный человек, ни один писатель – все, кому дороги идеалы прогресса и мира, никогда не подадут ему руки, как человеку, продавшему Родину и её народ!” [7, с. 104].

Строго говоря, ничего нового “инженеры человеческих душ” в документе, рождавшемся в тяжких творческих муках, не сказали. Они всего лишь озвучили то, что от них требовалось озвучить, предоставили мудрому советскому руководству возможность должным образом откликнуться на народные чаяния.

Достоверно не известно, в самом ли деле намеревались руководители СССР лишить Б. Пастернака советского гражданства и изгнать его из страны, в которой он прожил практически всю жизнь, или же “проработка” писателя была таким себе “воспитательным моментом”, с помощью которого, с одной стороны, можно было поставить на место слегка “опухшую” от начавшейся “оттепели” интеллигенцию, с другой – лишний раз напомнить миру, что “у советских собственная гордость”.

Заканчивается “сумасшедшая неделя” из жизни СССР и Б. Пастернака появлением в уже известной нам газете “Правда” (номер от 2-го ноября 1958-го г.) двух документов. Один из них – это “Заявление ТАСС”, специального информационного агентства, с помощью которого выражалась официальная позиция руководства СССР. Второй документ – письмо в Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза, адресованное Никите Сергеевичу Хрущёву и подписанное бывшим членом Союза писателей СССР Борисом Пастернаком.

“ЗАЯВЛЕНИЕ ТАСС”

В связи с публикуемым сегодня в печати письмом Б. Л. Пастернака товарищу Н. С. Хрущёву ТАСС уполномочен заявить, что со стороны советских государственных органов не будет никаких препятствий, если Б. Л. Пастернак выразит желание выехать за границу для получения присуждённой ему премии. Распространяемые буржуазной прессой версии о том, что будто бы Б. Л. Пастернаку отказано в праве выезда за границу, являются грубым вымыслом.

Как стало известно, Б. Л. Пастернак до настоящего времени не обращался ни в какие советские государственные органы с просьбой о получении визы для выезда за границу и что со стороны этих органов не было и не будет впредь возражений против выдачи ему выездной визы.

В случае, если Б. Л. Пастернак пожелает совсем выехать из Советского Союза, общественный строй и народ которого он оклеветал в своём антисоветском сочинении “Доктор Живаго”, то официальные органы не будут чинить ему в этом никаких препятствий. Ему будет предоставлена возможность выехать за пределы Советского Союза и лично испытать все “прелести капиталистического рая” [7, с. 113].

ПИСЬМО БОРИСА ПАСТЕРНАКА

“Уважаемый Никита Сергеевич!

Я обращаюсь к Вам лично, ЦК КПСС и Советскому Правительству.

Из доклада т. Семичастного мне стало известно о том, что правительство “не чинило бы никаких препятствий к моему выезду из СССР”.

Для меня это невозможно. Я связан с Россией рождением, жизнью, работой.

Я не мыслю своей судьбы отдельно и вне её. Каковы бы ни были мои ошибки и заблуждения, я не мог себе представить, что окажусь в центре такой политической кампании, которую стали раздувать вокруг моего имени на Западе.

Осознав это, я поставил в известность Шведскую Академию о своём добровольном отказе от Нобелевской премии.

Выезд за пределы моей Родины для меня равносителен смерти, и поэтому я прошу не принимать по отношению ко мне этой крайней меры.

Положа руку на сердце, я кое-что сделал для советской литературы и могу ещё быть ей полезен.

31 октября 1958 г.

Б. Пастернак" [7, с. 110].

Существует несколько версий того, как именно было написано письмо Б. Пастернака [3, с. 281-288], [5, с. 647-650], [7, с. 111-112], кто и что писал и говорил при этом, однако, как представляется, не столь важно, КАК ИМЕННО это было сделано. Важно то, что СКАЗАЛ автор. Документ живёт своей собственной жизнью, и письмо Б. Пастернака даёт возможность понять главное: Россия всегда была для него центром и смыслом жизни и творчества.

Учащимся одиннадцатого класса знакомство с представленными выше материалами может быть полезно, как отмечалось выше, и в плане учёбы, и в плане воспитания личности. Последнее в настоящий момент особенно важно, поскольку проблема формирования в школе патриотизма чрезвычайно актуальна.

Если говорить об этой проблеме в самых общих чертах, то приходится констатировать следующее: к сожалению, слово "патриот" в современной Украине до такой степени девальвировано и, прошу прощения, опозлено многочисленными "профессиональными патриотами", что у значительной части граждан сложилось стойкое убеждение: патриотизм не может быть присущ порядочному человеку. Безусловно, это не так.

Трагический пример Б. Пастернака убедительно доказывает, что подлинные патриоты – основа основ жизни любого народа, любой страны. Им всегда нелегко, но по-иному жить они не могут.

В истории остаются именно они, патриоты. И, как это ни парадоксально, те, кто "поднял руку" на них. Но кто хочет такой славы?

Использование историко-литературоведческого контекста при рассмотрении данной темы представляется не только весьма эффективным, но и единственно возможным средством воссоздания соответствующего периода развития русской литературы прошлого столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галич А. Генеральная репетиция / А. Галич. – М. : Советский писатель, 1991. – 560 с.
2. Гладишев В. Теорія і практика контекстного вивчення художніх творів у шкільному курсі зарубіжної літератури : монографія / В. Гладишев. – Миколаїв : Іліон, 2006. – 372 с.
3. Ивинская О. В плену времени: Годы с Борисом Пастернаком / О. Ивинская. – Paris : Librairie Artheme Fayard, 1978. – 440 с.
4. Методичні рекомендації щодо вивчення світової літератури в загальноосвітніх навчальних закладах у 2011–2012 навчальному році // Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. – 2011. – № 7–8. – С. 2-12.
5. Пастернак Е. Борис Пастернак : материалы для биографии / Е. Пастернак. – М. : Советский писатель, 1989. – 688 с.
6. Правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%F0%E0%E2%E4%E0_%28%E3%E0%E7%E5%E2%E0%29
7. С разных точек зрения: "Доктор Живаго" Бориса Пастернака. – М. : Советский писатель, 1990. – 288 с.
8. Ситченко А. Методика викладання літератури : термінологічний словник / А. Ситченко, В. Шуляр, В. Гладишев; за ред. проф. А. Ситченка. – К. : Ін Юре, 2008. – 132 с.
9. Сутула О., Тригуб І. Календарне планування уроків світової літератури (академічний рівень) / О. Сутула, І. Тригуб // Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. – 2011. – № 7–8. – С. 76-80.